

Про Старого

Недалеко от Киева, да за двенадцать верст,
Стояла там застава богатырская,
Не велика, не мала — тридцать три богатыря.
Как встаёт старой да по утру ранó,
Умывается старой да ключевой водой,
Утирается старой да полотеницем.
Одевает на ноги да сапоги козловые,
Пуховую шапоцку на головушку,
Отправляет да на дозор Добрынюшку.
Он садится на добра коня,
Ему коня ведут да со восьми цепей.
Отправляется старой да во чисто поле...

Тут он смотрит под западну, под восточну, под северну сторону. *(Кака первая сторона — не знаю.)*

Под западной стороной стояли горы высокие,
Под другой стороной — леса дремучие,
Под другой стороной — луга зелёные.
Видит старой: во чистом поле
Ездит на коне да добрый молодец,
Из лука-то он стрелу да выпускават,
На лету стрелу подхватыват.
Подъезжает к нему Добрынюшка,

он с ним здоровається, он же с ним-то не здоровається. «Куда путь держишь?» Он ему тоже ничего не отвечает. Наездник, который приехал, как не наш, отвечает; выругался не по-хорошему и отвечает:
«Пусть, мол, сам старой едет». Тогда он второго послал, Алёшу Поповица.
Ну и вот он то же самое
отвечат, опять же. Второго же он стащил со добра коня,

Бросил его да во сыру землю,
Дал ему два оттяпыша да два оладыша.

Третий сам и поехал: второму послу сказал: «Пусть он вам, гавнами, не заменяется, мол, сам пусть едет».

Обратно они едут не по-старому,
Обратно они едут не по-прежнему,
Тут и конь-то не так бежит,
Потупя да держит буйну голову.
Заревел тут старой да громким голосом:
«Не успеете вы да горшка схватить —
Привезу я вам татарску буйну голову!»
Коня ему только подвели, не видели,
Как он в стремя ступил.
Только видели: во поле курева стоит...

Он видел, что татарин там, а там его сын был, родной сын. Его (*старого*) жена в плену была, только она вернулась — не знаю... Они (*татары*) селенье всё угнали (*женщин, детей, стариков*) к себе. И тут сын Ильи Муромца был. Увидев у него, трехлетнего, большую силу, он (*татарин*) стал к матери его подходить, ласкаться, а он стрелу его выхватил и защитил (*мать*). Татары взяли его, воспитали, против отца настроили. Они Илью Муромца не могли победить, вот они и вздумали сына натравить. Когда он сам поехал, во поле курева стоит, у коня из ноздрей пламя мечет, хвост трубой завиватся, из-под копыт земля летит. Тоже пока Илья поздоровался с ним: «Куда, мол, едешь, куда путь держишь?» А тот ему отвечает: «Мол, я не здороваться с вами приехал, мол, воевать с вами.

Я приехал к вам пошуметь-погрометь,
Пошуметь-погрометь в стольном Киеве.
Я святы ваши иконы на поплавах спущу,
Молоду-то княгиню за себя возьму...».

После этих слов начался бой. Тут уж недружелюбно у них стало. Сперва копьями бились,

И вот копья их повывихалися.
Они бросили этот бой да на сыру землю,
Схватились они за остры сабельки.

Они билися-дрались вторы сутоцки —
Сабли ихни пощербалися,
Пощербалися, поломалися.
Они бросили тот бой на сыру землю...

(Не знаю, чего у них третье было. Вообще, они три сутоцки дрались. Этот татарин Илью уже побеждает.)

Бросил его на сыру землю,
Вытащил он кинжалище булатное.
Замахнулся он во первой након
И всадил кинжалище булатное да во белу грудь.

Крест, мол, вдавился во белу грудь. Тоже поранил, а рану смертельную нанести не смог. Взмолился тогда Илья Муромец Богородице:

«Мол, по что же ты меня здесь сповыдала,
Кормилица, мол, ты мати Богородица.
Молился я тебе верой-правдою»
После этого у старого вдвое-втрое силы прибыло.
Сосвистнул он со себя татарина
Да на сыру землю.
Илья Муромец обратно сел на него.
Замахнулся старой во первой након —
В плечи, мол, рука застоялася.
Замахнулся старой во второй након —
В локтю рука застоялася.
Еще замахнулся во третьёй након —
Впереди рука застоялася...

Тогда Илью, старого, догадка стала брать — ни тот, ни другой не может [победить]:

«Чьего роду ты, чьего племени,
Да как звать тебя по имени?» —

«Когда был я на тебя, я не спрашивал ни роду, ни имени». Како они спрашивали-расспрашивали?
Узнал Илья Муромец, что тот — сын ему. И тогда Илья приглашат в гости к себе. «Съезди за матерью

и приезжай в гости...» (Или насовсем — не знаю как.) Ну вот, они по-хорошему разъехались-разошлись.

Он его отпустил, Илья, в гости зовет. Когда домой приехал снова, то он матери наврал. Он матери ничего не сказал, что бой у них был, вражда. Матери наврал: «Тебя, мол, ругает блядью, меня выблядком».

В это время, что трое сутки бились они, все эти слуги его убежали, считали, что старого победили, и боятся, чтоб им в плен не попасть. Ну, и когда старой приехал на заставу, где полевой шатер стоит, увидел, что никого нет. Ну, и он после не поел, лёг отдыхать. Он и спит спокойно. А этот в это время налетел на него, на сонного. Ну, и всё равно, он и спящего не смог его словить. Как-то сумел старой оборониться. Или снова в крест ему попал, или что — не смог он старика.

Рассердился тут старой, закипела кровь... Так он расправился: на одну руку наступил, другую оторвал, на одну ногу наступил, другую оторвал. Снова спать лёг, уже без печали, снова отдыхать лёг. А тут конь-то его и знат хозяина, он пришёл. А что сбежали, факт-то узнали, стали обратно собираться...

(Зап. Голубковым М. М. и Харитоновой В. И.: лето 1978 г., д. Замежное Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Мяндиной Евдокии Малафеевны, 51 г. (уроженки д. Абрамовской на р. Пижме).)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.